

Реакция Кэ Нина была незначительной, вернее, её практически не было: он даже не удивился. Тан Юйхуэй услышал лишь короткое: «О» — и ничего больше.

— Ты не удивлён? Не хочешь ничего спросить? — с недоумением сказал он.

— Тан-Тан... Не пойми меня неправильно, но тут действительно нечему удивляться... — неуверенно ответил Кэ Нин. Он постарался подобрать деликатные слова: — Мне всегда казалось, что ты отличаешься от других парней. В тебе есть что-то, что вызывает желание защитить... Хотя я сам... ну... в отношениях, — запинаясь, проговорил Кэ Нин, — тот, кого защищают.

До Тан Юйхуэя медленно дошло:

— Ты хочешь сказать... что я слабый? Или... женственный?

— Нет! — тут же воскликнул Кэ Нин. — Конечно нет! К тому же, это стереотип! Нельзя сказать, что кто-то в паре всегда слабее другого, — терпеливо объяснил Кэ Нин. — Ты совсем не слабый и не женственный. Я знаю, ты всегда был сильным, сильнее всех нас.

Кэ Нин помолчал, затем мягче и медленнее продолжил:

— Просто ты очень легко вводишь в заблуждение. Мягкий, вежливый, с хорошим характером. Я никогда не видел, чтобы ты на кого-то злился. Одно это делает тебя непохожим на многих парней. Всё это — прекрасные качества, — нежно сказал он. — Я всегда думал, что однажды ты встретишь кого-то, на кого сможешь положиться. Просто мне сложно представить, как ты будешь зависеть от девушки. Да, именно так!

— Хм... — Тан Юйхуэй улыбнулся уголками глаз. — А я думал, ты скажешь, что я выгляжу как гей.

— А я не скажу, — рассмеялся Кэ Нин. — Ты очень симпатичный, но такой растрёпа! Если станешь геем, постарайся выглядеть получше, договорились?

Поскольку Тан Юйхуэй обещал рассказать всё позже, Кэ Нин деликатно не стал допытываться. Они поговорили о повседневных делах, и под конец Кэ Нин напомнил Тан Юйхуэю обязательно рассказать ему всё, когда тот разберётся в своих чувствах.

Перед тем как повесить трубку, Кэ Нин тихо сказал:

— Тан-Тан, береги себя. Влюблённость... может быть болезненной. Пусть, это просто моё желание, но я не хочу, чтобы тебя снова кто-то обидел.

Они помолчали. Тан Юйхуэй серьёзно пообещал, что всё будет хорошо, попросил Кэ Нина не волноваться и сказал, что через пару дней пришлёт ему местных тибетских продуктов.

Повесив трубку, Тан Юйхуэй встал и некоторое время постоял в задумчивости. Затем он вышел из комнаты на веранду второго этажа, откуда был виден весь двор. Кан Чжэ, как ни странно, ещё не ушёл. Рядом с виноградной беседкой во дворе лежала куча необработанного дерева. Кан Чжэ в чёрной майке пилил дрова, поставив ногу на толстое бревно. Тан юйхуэй и моргнуть не успел, лишь заметил позу, но Кан Чжэ, будто у него на затылке были глаза, почувствовал его взгляд, резко обернулся и махнул рукой:

— Спустишься, посидишь немного?

Тан Юйхуэй кивнул, а потом подумал, что с такого расстояния Кан Чжэ мог не увидеть куда он смотрит, и быстро спустился по лестнице. Каждый раз, приближаясь к Кан Чжэ, он чувствовал волнение, похожее на то, что испытывал в детстве, выходя к доске. Будто само движение в его сторону было чем-то значительным, почти ритуальным. С остальными всё было иначе, но с Кан Чжэ это чувство многократно усиливалось.

Кан Чжэ принёс ему из дома деревянную скамеечку, поставил её в тени виноградных лоз и велел Тан Юйхуэю смотреть отсюда и не выходить на солнце.

— Чем занимаешься? — решил начать разговор Тан Юйхуэй.

— Делаю стол, — ответил Кан Чжэ.

— Зачем? — спросил Тан Юйхуэй, а потом, поняв, что вопрос прозвучал странно, добавил: — Для чего он тебе?

— Будет столик — сможем вместе есть, — ответил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй опешил и снова глупо спросил:

— Зачем?

— А? Зачем так много «зачем»? — Кан Чжэ, не отрываясь от дерева, не взглянул на него. — Я же не каждый день ем вне дома. Здесь нет доставки, всё равно приходится готовить. Разве плохо, когда есть кому помыть посуду?

— Мне? — опешил Тан Юйхуэй.

— А кому же ещё? — Кан Чжэ сосредоточенно пилил дерево, не поднимая головы.

— Но... — запинаясь, проговорил Тан Юйхуэй. — Ты же раньше говорил... что даже за деньги не будешь этим заниматься.

Кан Чжэ наконец отложил пилу и лениво повернулся к нему:

— Ты предлагал деньги?

— Нет, — после небольшой паузы ответил Тан Юйхуэй.

— Вот, — Кан Чжэ снова взял инструмент и продолжил сосредоточенно пилить. — Ещё вопросы есть?

Тишину снова нарушил скрежет пилы. На его фоне громкий стук сердца Тан Юйхуэя казался неуместным. Слова Кан Чжэ тонули в этом шуме, звуча глухо и неразборчиво. Тан Юйхуэй не подавал виду, но чувствовал, как внутри медленно надувается огромный воздушный шар.

Оказалось, когда Кан Чжэ сказал «сможем есть за одним столом», он имел в виду именно это — и ничего больше. Тан Юйхуэй заметил, что Кан Чжэ, если не уходил из дома, обычно спал до полудня.

У самого Тан Юйхуэя были серьёзные проблемы с желудком. Раньше, дома, Тан Жуй заставляла его вставать в семь утра на завтрак — меню составлялось по специальному списку питательных элементов, но вкус оставлял желать лучшего. Тан Юйхуэю часто было трудно проглотить хоть кусочек, но никто не спрашивал, нравится ли ему еда.

В детстве Тан Юйхуэй думал, что мама очень его любит, ведь его еда всегда была приготовлена тщательнее, чем у других детей. Когда он болел, вся семья очень переживала — в раннем детстве ему уделяли особенно много внимания. Позже Тан Юйхуэй понял: он мог делать что угодно, мог иметь всё, что захочет, но не мог не быть отличником, и, что ещё хуже, не мог не быть здоровым. Он должен был быть идеальным.

Поступив в университет и вырвавшись из клетки родного дома, он тайком от Юй Чжэнцэ и Тан Жуй начал вести совсем другой образ жизни. Год беспорядочного сна и хаотичного питания привёл его изнеженный желудок в плачевное состояние. К второму курсу эта яростная, но наивная борьба наконец утихла — не потому, что Тан Юйхуэй научился заботиться о себе, а потому, что он осознал: его протест был всего лишь подсознательной попыткой привлечь внимание родителей, жалкой и бесполезной. Однако его здоровье было подорвано и требовало серьёзного восстановления. Тан Жуй и Юй Чжэнцэ очень разозлились и сократили расходы на его проживание. Тан Юйхуэй прекратил молчаливый бунт и вернулся

к привычке завтракать.

Он хотел пригласить Кан Чжэ присоединиться, но, во-первых, понятия не имел, где именно живёт Кан Чжэ. Тот, появляясь из ниоткуда, будто нарочно стирал следы своего присутствия. Во-вторых, кулинарные навыки Тан Юйхуэй были практически нулевыми, и он помнил: как день начнёшь, так его и проведёшь. Ему было стыдно предлагать Кан Чжэ невкусную еду.

В итоге за эти несколько дней у них с Кан Чжэ выработалась молчаливая договорённость. Кан Чжэ спал до полудня, а Тан Юйхуэй утром ходил на рынок за продуктами, которые шли в качестве вклада в общий стол. Насладившись несколькими сытными обедами, Тан Юйхуэй понял: Кан Чжэ — отличный повар. Что бы он ни принёс, Кан Чжэ превращал это во вкуснейшее блюдо.

Во время еды они молчали. Никто не запрещал разговаривать, но оба предпочитали вежливую отстранённость. В гостиной был телевизор, но ни один, ни другой не предложил перенести трапезу туда. В солнечные дни они сидели в тени виноградной беседки, молча деля стол, а после еды Тан Юйхуэй мыл посуду. Когда он заканчивал, Кан Чжэ обычно уже исчезал.

После обеда Кан Чжэ никогда не оставался в гостевом доме. Однажды Тан Юйхуэй спросил, почему Кан Чжэ так хорошо готовит. Тот, подумав, ответил, что много путешествовал, и когда ему нечем было заняться в очередном городе, проще всего было научиться готовить.

Выслушав его, Тан Юйхуэй с некоторым восхищением спросил:

— Ты побывал во многих местах?

— Угу, — небрежно ответил Кан Чжэ. — Просто работал, ничего особенного.

— А, — коротко выдохнул Тан Юйхуэй, но про себя подумал: «Всё совсем не так. Всё, за что ты берёшься, становится особенным».

В то же время Тан Юйхуэй почувствовал, что Кан Чжэ определённо из тех, кто исколесил полмира и повидал тысячи людей. Он представил Кан Чжэ бесцельно идущим по свету, как он беспечно останавливается где придётся и снова отправляется в путь, отмечая на карте всё новые точки. Но почему Кан Чжэ уезжал? И почему вернулся? Он выглядел так, будто ему чужды мирские заботы. Неужели он теперь навсегда останется среди этих гор и рек?

Тан Юйхуэй решил, что они ещё недостаточно близки, чтобы задавать такие вопросы, и тактично промолчал. Но сегодня, убрав посуду и выйдя из кухни, Тан Юйхуэй увидел, что Кан Чжэ не ушёл, а стоит, прислонившись к виноградной беседке, и смотрит в телефон.

— Пойдем погуляем? — спросил Кан Чжэ, убирая телефон.

Тан Юйхуэй опешил, приятно удивлённый:

— Ты... спрашиваешь меня?

— А здесь есть кто-то ещё? — Кан Чжэ слегка улыбнулся. — Ты будто вечно в облаках.

— Идём! — почти выкрикнул Тан Юйхуэй.

Он поспешно снял фартук, ополоснул руки под уличным краном, затем плеснул себе в лицо горсть воды — хотел выглядеть свежо перед выходом. Не успевшие высохнуть капли на его ресницах засверкали на солнце, словно крошечные кристаллы горного хрусталя.

Тан Юйхуэй тыльной стороной ладони смахнул каплю, скатившуюся по щеке, и спросил, глядя на Кан Чжэ:

— Куда мы пойдём?

Взгляд Кан Чжэ задержался на его ресницах.

— Потеплело. Мои родители обрабатывают ячмень на южном поле. Я иду им помогать. Ты всё равно без дела, хочешь посмотреть?

— Ячмень? Я никогда не видел ячменных полей. Конечно пойдём! — улыбнулся Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ внимательно посмотрел на него — так пристально, что та самая влага наконец упала с ресниц.

— Подожди меня, — сказал Кан Чжэ, вернулся в гостиную и начал рыться в нижнем ящике шкафа.

Тан Юйхуэй последовал за ним:

— Что ты ищешь?

Вместо ответа Кан Чжэ достал большую широкополую шляпу и надел её на Тан Юйхуэя, завязав тесёмки под подбородком. Узел он затянул так туго, что Тан Юйхуэю показалось, будто Кан Чжэ пытается его задушить. Кан Чжэ хлопнул Тан Юйхуэя по макушке и спокойно сказал:

— Старайся держаться в тени, не бегай и не забывай про солнцезащитный крем.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130168>